

Ульяна Салищева

Отражения

Ульяна Салищева

Отражения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73907232

*Отражения : эссеистическая проза / У. Салищева: Четыре; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-908079-75-4*

Аннотация

В этой книге нет сюжета в привычном смысле – и именно поэтому от неё трудно оторваться. Это проза внутреннего опыта, где каждая глава работает как точка напряжения: память, страх, искусство, тело, вера. Героиня смотрит на себя и мир без защитных фильтров – и платит за это высокой ценой. Здесь творчество становится не украшением жизни, а способом выживания, а чувствительность – не даром, а испытанием. Текст держится на точности наблюдений и честности интонации: автор не объясняет и не утешает, а предлагает читателю редкую возможность – пройти рядом и услышать собственные вопросы. Эта книга для тех, кто умеет читать между строк и не ищет простых ответов.

Содержание

Вместо предисловия	5
Благодарность	7
Глава 1	8
Детство	8
Дорога	17
Глава 2	18
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ульяна Салищева Отражения.

Эссеистическая проза

издательство

ЧЕТЫРЕ

© У. Салищева, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Вместо предисловия

Человек неотделим от всего, что встретил, почувствовал и пережил. Время, цвет и звуки проникают в его душу. Жизнь оставляет в ней свои следы: это воспоминания, сны, стихи, размышления о живописи, впечатления, это болезнь и поиски духа. Я отражаюсь в мире, создавая свои краски, свои звуки, а мир отражается во мне. Зеркало Вселенной сохраняет в себе глубину искусства и след ладони, мимолётный взгляд и вечность. Оно может быть целым и ясным, а может расколоться. Тогда первое движение – шаг назад. Попытка убежать, не думать, не видеть себя в осколках. Разрушение отражения как разрушение личности, утрата своих следов на земле. Однако даже в осколках зеркала отражается реальность бытия, то, что можно увидеть, потрогать, ощутить. А потом захотеть понять, что за гранью рамы, стекла, взгляда...

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна, 1:1). Если Слово является началом всего живого, то мир – это отражение божественного звучания, божественной Души. Рассматривая жизнь во множестве зеркал, я пыталась увидеть её целостный образ, найти себя и Того, кто был отражён первым. Отражения бесконечны. Моя книга напоминает два зеркала, поставленных друг против друга. Мне интересно не только, как и в чём отражается человек, но и как живопись отражается в его душе, а

душа в живописи. Как реальность отражается в снах и сны в реальности; поэзия в болезни и болезнь в поэзии. Как отражаются и остаются в памяти сны.

Миры, отражающие друг друга, создают пространство для существования, пространство бытия. Но если оказаться между миром материи и миром отражений, если нигде не найти себе места и заблудиться в лабиринтах зеркал, то легко сойти с ума. Способен ли человек удержаться на этой хрупкой грани? Может ли душа обрести умиротворение, страдая от неприкаянности? Я пытаюсь найти ответы на эти вопросы и понимаю, что поиск будет таким же долгим и сложным, как сама жизнь.

Благодарность

Я благодарю всех, кто помогал мне в работе над книгой, и прежде всего мою семью. Это прекрасно, когда рядом есть близкие, подставляющие плечо во время сомнений и знающие, что я справлюсь. Я чувствовала, что не одинока, и это бесценно. Я благодарю моего учителя литературы Марину Владимировну Павлову, которая верила в меня и помогла выдержать трудности творческого процесса: кризисы, сомнения, отчаяние. Без их поддержки я бы не довела начатое до конца.

Глава 1

Воспоминания

Детство

Я помню сосновый бор, проникающее сквозь просмолённый воздух солнце и мамину юбку, тянущуюся вместе со стволами деревьев ввысь, к небу. Мама огромная, как сосны, но рядом с ней тепло и спокойно. Я держу её за палец и иду, шатаюсь, по тропинке. Я ещё не знаю слов... Есть только радость, необъятная и пронзительная.

В детстве я спрашивала у мамы, что происходит вокруг меня, и думала, что это фильм, что всё это подобно игре, которую вижу только я. Мне было и интересно, и страшно. Я ощущала себя в центре какой-то иллюзии. Это ощущение возникает у меня до сих пор.

В семье у меня две старшие сестры и старший брат. Родители всегда относились к нам одинаково. Старших не заставляли играть с младшими, младших учили брать ответственность на себя, нас не ругали из-за проступков. Мама быстро поняла, что именно со мной так нельзя. Я плакала из-за одного строгого взгляда, была кристально честной и открытой и сама рассказывала обо всём. Лет до пяти совсем не любила

читать, что странно, самозабвенно играла только в куклы, делала им нежные белые платья из бумажных салфеток. Любимая кукла превращалась в девушку у моря, любующуюся закатом. Тогда я ещё не знала героиню Александра Грина Ассоль, но мои куклы были на неё похожи. Папа пытался приучить меня к чтению. Однажды он начал читать книгу «Волшебник Изумрудного города». Я делала вид, что мне неинтересно, но постепенно всё больше прислушивалась. Мир книг расширил границы видимой реальности, развил воображение. Позже я шутила, что не надо было отучать меня от кукол. Сестра Полина наполнила мой мир сказками. Она говорила, что пришла из страны фей, что за шкафом таится волшебная дверь, что сквозь ивовые ветви можно попасть в дом Золушки. Я искренне верила в то, что игрушки оживают по ночам. Играя в куклы, мы с сестрой придумывали истории, полные романтики, опасностей и подвигов во имя любви. Полина была старше меня на четыре года и невольно ускорила моё развитие. Возможно, в том, что я сейчас пишу, – её заслуга. Но я и сама с детства чувствовала себя старше. Помню, как попросила маму дать мне книгу стихов, и она предложила мне сборник Агнии Барто. А я хотела читать Пушкина. Я благодарна сестре за то, что она дала моему уму пищу, рассказывая обо всём, что её впечатляло. Она познакомила меня с лучшими книгами русской классической литературы. Роман «Евгений Онегин» я прочитала в десять лет, «Войну и мир» начала читать в двенадцать. Сестра от-

крыла мне мир искусства, и я уже не вышла из него.

В детстве я никогда не чувствовала себя одинокой дома. Мама окружала нас вниманием и любовью. Однако в школе мне было тяжело. Мой мир был тихим и нежным. В школе же бегали толпы детей, девочки обижали друг друга, но почему-то их это не ранило. Они играли во что-то большими компаниями. А я сидела за партой, сжавшись в комочек и спрятав под стол свои игрушки, заботливо собранные мамой. Одноклассницы ловили насекомых и прятали в коробки, а я выпускала их оттуда, так как не могла позволить, чтобы живое использовали в играх, пугали и убивали. Защищала корни деревьев, говоря, что им больно, когда по ним ходят. В четвёртом классе с одним из одноклассников мы говорили о Святой Троице, а нас дразнили. Это было обидно. Одиночество научило меня всматриваться в окружающий мир, видеть, как воздушная ткань инея за окном оседает на траве, как коралловый рассвет проникает в стянутые ноябрьской темнотой коридоры. Я всё чаще находилась наедине с собой. Всё происходящее в природе удивляло и восхищало меня. Мне было интересно жить, наблюдая, как в пространстве этого мира меняются цвет, фактура, звук... Паровозик из Ромашкова, герой моего любимого мультфильма, говорил: «Рассвет... Каждый рассвет – единственный в жизни!..» А один из его пассажиров добавлял: «Если мы не увидим рассвет, мы можем опоздать на всю жизнь!»

В моём мире феи слетались по ночам на бутоны цветов

и начинали свой воздушный танец. Его музыка проникала в мои сны. Утром, видя на цветочных лепестках капли, я знала: это феи взмахом своих лёгких крыльев превратили лунный свет в воду. Порой я видела их и днём: мгновенное серебристое мерцание в густом солнечном воздухе. Я счастлива, что всё детство сказка была естественной частью моего мира. Я разговаривала с феями, одетая в платье с синими колокольчиками, я танцевала с ними под луной в майском вишнёвом саду. Мокрая земля проминалась под босыми ногами, и из далёкого безвременья звёзды шептали мне: «Лети к нам». И я летела. Поднимались руки, изгибами причудливого танца роднящиеся с ветвями, путались кудрявые волосы, взлетало сердце. Я знала, что узкая щель за шкафом в нашем доме вела в бескрайний волшебный мир. Мне было важно одухотворять предметное пространство. Было ли это просто детской потребностью или чем-то иным, но легко дышать я могла только под небом, где не было стен. И я плакала, когда видела, как рубят деревья или на цветы кладут асфальт. Они были моими друзьями, теми, с кем я говорила на одном языке.

В классе я никого не трогала и никого не замечала, и меня никто не трогал и не замечал. Я приходила в школу в корсетах и длинных платьях, живя в другом времени. Мне всегда было интересно с собой, я не тяготилась одиночеством, но частое пребывание в уединении способствовало углублению психологических проблем. На переменах между уроками с

единственной школьной подружкой мы бежали во двор, и она рассказывала мне, что в дупле высохшего дерева живут эльфы. Мы оставляли им угощение, а когда возвращались, видели, что его нет. Позже я поняла, что это чудо создавала для меня моя подружка. А я верила во всё, что мне тогда говорили.

Но у мира, созданного и расшатанного воображением, была не только светлая сторона. Я жила с ощущением, что пространство вокруг разваливается на части и из его щелей вылезают уродливые тени, руки, опутанные болотной тиной, морские чудовища... Я часто испытывала сильные эмоции и успокаивалась, когда представляла, будто мою куклу взяли в плен. Я связывала её, лишала свободы, и почему-то это вызывало чувство безопасности. Я строила домики из подушек и одеял, боясь оказаться беспомощной в большом помещении. В конце концов появился навязчивый страх, что и меня украдут, как куклу. Я не доверяла людям и почти в каждом видела возможного похитителя. Страхи сопровождали меня повсюду, но я мало кому говорила о них. Я разговаривала с воображаемыми феями и совсем не умела говорить с реальными людьми. Их мир ранил меня. Я не представляла своей жизни без чудес. Без них мой мир утратил бы свою ценность.

* * *

Я любила поэзию и пыталась подражать раннему Пушкину, мыслила строчками из его лицейских стихов, возвышен-

но писала о том, что муза посетила меня во сне и превратила в поэта. В деревьях, покрытых инеем, мне виделись античные скульптуры, и я пробовала сочинять гекзаметром. Часто писала на уроках в школе, чтобы доказать в первую очередь себе, что вдохновение подчиняет меня, что поэзия – главное в моей жизни. Представляла себя Натальей Гончаровой, умоляющей Пушкина не идти на дуэль. На полях своих черновиков комментировала написанное, чтобы помочь будущим биографам понять моё «творчество». Сначала хотела стать знаменитой, потом как истинный художник – сойти с ума или красиво умереть. Что ж, «сойти с ума» почти получилось, попрощаться с жизнью – тоже. Ни то ни другое мне не понравилось. И чем откровеннее и искреннее я писала, тем меньше мне хотелось, чтобы мои записки читали все подряд. Зачем же тогда писать? Я не задавалась таким вопросом. Не помню, кто это сказал, но слова мне понравились: «Мир – это искусство, ждущее, чтобы его открыли». Я стараюсь сохранить часть своего мира и пишу о том, что просится на бумагу. Вот и всё.

Иногда мне неловко перечитывать свои детские дневники и стихотворения. Уверенность в собственной значимости и обязательном признании – для детей от десяти лет и до шестнадцати. Я старше. Но между этих строк я вижу мечтательность и восторженность: как в двенадцать лет представляла, что по разбитой дороге еду не в школу, а плыву в лодочке, украшенной еловыми ветками, что небо – это водные

каналы, а земля, покрытая инеем, – серебристые облака. Я придумала Страну мечты и улетала в её прекрасный мир на переменах, когда оказывалась одна. Я была счастлива. Моя жизнь обрастала замками, «полями раздумий», балконами Джульетты, таинственными лесами... Это был мой мир. И сейчас, когда я читаю детские дневники и пишу о своих воспоминаниях, я пытаюсь вернуться хотя бы в память о нём.

Помню, как спустя несколько лет я мыла окна нашего дома. Вода стекала по стеклу. Маленький племянник прижимался щекой к окну и звонко смеялся. Мальчик, девочка, мальчик, девочка... Распахнутые глаза, пытающиеся объять этот красочный мир. И так светло вокруг...

Однако первое запомнившееся чувство – это страх. В год и девять месяцев я стояла на берегу моря. Был закат. Мои сёстры сидели рядом со мной, но вдруг встали и побежали к морю, чтобы собрать ракушки. В моём детском воображении они мгновенно оказались песчинками на фоне волн. И меня пронзил острый страх, казалось, что море заберёт их, и я останусь одна в огромном мире. Но родители сумели создать вокруг меня пространство добра, в которое я могла возвращаться снова и снова, и я благодарна им за это.

Прошло несколько лет. И однажды из стопки старых документов и черновиков выпал сложенный листок, с пятнами кофе, со следами помады и потёкшей ручки. Оказалось, это договор о бронировании жилья в 2018 году. Тогда мне было двенадцать, и мы с семьёй ездили в Грецию. Жили в домике

у моря, в сердце деревни Вурвуру. Однажды вечером я вышла на морской берег, увидела, что за мысом в конце бухты садится солнце, и побежала к этому мысу. Темнело, отлив обнажил прибрежные камни с илом и водорослями, и я бежала по ним босиком. Глубокий вдох, выдох – и я окунулась в небесную лазурь. Мыс выходил в море. Я подошла к самому краю, но вдруг услышала, как меня зовут родители и Полина. Они бежали за мной, пытаясь остановить. «Посмотрите! Я успела! Это та самая звезда! Я увидела её! Это Семилля!» – радуясь, говорила я. Какие змеи, какие чужие люди вдали от дома, какие острые камни, что так беспокоили моих родных?! Я увидела звезду и притронулась к розовому горизонту. Я легла на камень и стала записывать впечатления на листок, оказавшийся в кармане у папы. В семейном архиве сохранилась фотография: я в белом платье лежу и что-то пишу. Меня тогда называли Ассоль. И вот прошло семь лет. Я разворачиваю листок и читаю про закат на мысе: *«Вечернее солнце освещало нежными лучами тихую бухту, волны переливались всеми оттенками синего цвета: от тёмно-синего, почти чёрного, до лазурно-голубого. Их порозовевшая пена шуришала у прибрежных камней, нашептывая моей душе тайну природы, тайну, подвластную только сердцу. Облака придавали картине своеобразную прелесть, устремляясь к солнцу, словно полупрозрачные перья. Селение погрузилось в таинственную дымку умиротворения и покоя, в окошках домов зажглись огоньки, мерцающие среди вечернего полу-*

мрака. Покрытые густым лесом горы синели, ограждая посёлок от ветров и штормов. Но вот солнце просквозило облака прощальным лучом, он вспыхнул и исчез, унося в царство ночи ещё один день. Небо начало темнеть. На западе оно было ещё светло-жёлтым, но чем дальше уходило на восток, тем становилось синее и глубже, словно превращалось в огромную амфору, скрывающую от посторонних глаз мои чувства и мысли. На небе, озарённом лишь по краям, засияла первая звёздочка, кротко мерцающая среди облаков. Я встала с камня и подошла к морю. И волны поняли меня, поняли всё, что я хотела сказать им. Не зря я просидела возле них весь вечер. Они полюбили меня, ведь моё сердце было способно говорить с ними. Волны доверчиво обняли мои ступни, и я почувствовала, что обрела друга».

Дорога

Кресла автомобиля, двери, окна. Слышны голоса людей. И как-то странно, непостижимо всё, что я вижу, слышу и ощущаю, связано со звёздами, небом, ветром. Всё соткано из единой ткани. Она клубится, истончается, сжимается в крохотный комочек и растягивается по всему небу. Линии, формы и цвета одни и те же, различается лишь суть. Хочу прикоснуться к ней, но она уплывает всё дальше, спутывая сознание игрой контрастов. Вот деревья, которые я проезжаю на большой скорости. Если я замечаю особенно тонкий ствол и изящные изгибы ветвей, то люблюсь этим деревом. Машина едет дальше, и постепенно у меня начинает кружиться голова. Я остаюсь в ясном сознании, если не обращаю внимания на окружающую красоту и стремлюсь к внутреннему спокойствию. Но тогда какой смысл куда-то ехать, если не восхищаться тем, что видишь?

Глава 2

СНЫ

*Мне часто снится этот сон.
И когда я вижу бревенчатые стены
и темноту сеней, я уже во сне знаю,
что мне это только снится.
И непосильная радость омрачается
ожиданием пробуждения.*

Андрей Тарковский. Зеркало

Когда мне было семь лет, во сне я летела сквозь золотые облака в высшие миры, где было легко и спокойно. Я восхищённо смотрела на окружавшее меня сияние и ждала воссоединения с Творцом. Спустя годы также во сне видела себя маленькой феей. Я была в каком-то помещении, а потом летела с большой высоты, в полёте окутывая себя пылью волшебной палочки, и мягко приземлялась. Но в здании остался тёмный человек... чёрный человек. Я знала, что он попытается меня поймать, и всё же надеялась спастись. Лететь было тяжело. Я почувствовала, что не могу оторваться от земли... и проснулась. А память сохранила полёт и сияние...

В школьные годы я видела вязкие сновидения: воздух в них расслаивался, сбивался комками. Когда было особенно тяжело, мне казалось, что, если я возьму в ладонь кусочек

звнящего солнца, станет легче. Бело-жёлтое пространство представлялось вещественным. Я дотрагивалась до него, но пальцы погружались в безжизненную пустоту. Мне снилось, будто я собираюсь играть в школьной театральной постановке. Театр был как остров в океане. Я почему-то не понимала слов, мне становилось тяжело, я выбегала из тёмного помещения и взлетала. Я знала, что если перелечу океан с ядовитой водой, то спасусь, но не успевала: кто-то приближался сзади. Я просыпалась...

Порой обострялось ощущение, что я прячусь от жизни. Прячусь в поэтических строках, снах, разбивавших ночную тишину и врезавшихся в память. Во внешнем мире покоя не было. В нём лишь летающий осколками свет, смесь негармоничных цветов и постоянный гул. Я ощущала жизнь так, словно проснулась, открыла глаза и увидела себя в незнакомом, чужом месте. А потом осознавала, что проснулась во сне, где жизнь была ненастоящая, и возвращалась в реальность.

В юности я видела три сна и три раза во сне умирала. Не помню точно, который из снов был первым, кажется, тот, где меня хотели лишить жизни. Две девочки, назвавшись моими подругами, пошли со мной в кафе и отравили меня. Я почувствовала, как душа покидает тело, как всё закружилось, как мне стало тягостно больно. И поняла, что ещё немного – и всё кончится, станет легче. Я вышла из тела и испытала ощущение небывалой свободы. Впервые во сне я перешла грань

между мирами. Но потом снова почему-то оказалась жива. И даже хотела повторить этот сон и не погибнуть. Я уже знала, что со мной будет, но всё же шла по улице, которая тянулась от вершины холма вниз, к той кофейне, где меня не стало. Понимала, что там ждут, теперь с пистолетом. Пуля прошла рядом со смертельной точкой на лбу. Рана была серьёзной, я вновь начала улетать, сопротивлялась, цеплялась за жизнь и удержалась, осталась в теле.

Потом приснился новый сон, казавшийся бесконечно долгим. Я была начинающим магом, и у меня был учитель, который из любви мог заморозить всё живое, спасая от страданий. Когда наступили тяжёлые, безысходные времена, он заморозил и меня. Я застыла от холода, но не умерла, и через сотни лет проснулась в другом облике: мои волосы стали длинными и поседели. Я увидела выживших людей и узнала, что миром правит мой учитель-маг, который теперь творит зло, а мне надо противостоять ему. Сон закончился странным ощущением себя, и вспомнились слова шекспировского Гамлета: «Порвалась времени связующая нить, как мне обрывки их соединить...»

Однажды во сне я видела художника, похожего на Родена. Я была с ним связана отношениями и одновременно чувствовала, что он и есть я. Когда поняла, что мы одно целое, ощутила тяжесть, напряжение и заполняющее душу смятение. Этот сон напоминал полубред, случающийся при высокой температуре. Мне казалось, что руки у меня тонкие, как

ниточки, и этими руками нужно удерживать безмерно большой груз, всю его тяжесть. А тяжести очень много... Выдержу ли?

Я часто вижу цветные сны. В последнее время их мир стал шатким и тонким. Я не всегда помню, когда и, главное, где произошло то или иное событие. То ли во сне, то ли наяву... Но помню цвет. Коричневые и красные оттенки, разбавленные зелёным, таким ярким на их фоне, что почему-то он начинает тревожить, будоражить сонное сознание. В своих снах я всегда одинока. Воображаемые друзья или умирают, или уходят в параллельные миры. Лишь однажды мы с Кириллом видели один и тот же сон, только я – начало, а он – конец. Мы были в каком-то замке, которому грозила опасность. Все пытались спрятаться, суеились, а я искала пишущую машинку, чтобы записать то, что произойдёт. Больше всего я боялась несказанного, незаписанного слова... Мой сон оборвался, и начался сон Кирилла. Он видел тот же замок и был готов его защищать. Так мы и живём: он спасает, я пишу. В том сне всё было серо-чёрным и синим, как небо в ветреный ноябрьский день. Сны с гармоничными оттенками цвета мне уже почти не снятся.

Во время болезни во сне я видела трёх девочек, женщину и мужчину. Затихшая женщина была вдовой, мужчина – комком всклокоченных нервов. Я не знала, что было между ними, не знала, что будет. Лишь чувствовала, что мужчина и женщина притягиваются друг к другу, как магниты, отчаянно пытаюсь не соединиться. Напряжение росло, воздух охва-

тывало дрожью, пространство между ними растягивалось до бесконечности. Что-то мешало проявиться сердечной лёгкости, но и не позволяло отдалиться друг от друга. А три девочки соревновались, кто быстрее добежит до дерева и заберётся на него. Светлые фартуки и юбки развевались, как белые лепестки. Девочки бежали, но их бег становился всё медленнее, словно они пробирались сквозь воду. Жизнерадостные лица тонули в тяжести воздуха.

– Я первая! – рыжие кудри взметнулись к небу.

– Попробуй ещё залезть!

Цепкие руки, тонкие платья, обвитые лентами косы. Девочки поднимались всё выше. Белёсый туман окутывал деревья.

...Я проснулась от ощущения, что рядом кто-то стоит рядом. Соседка по палате не спала и стягивала с меня одеяло. Прежде она никогда подобного не делала. Видимо, это действие лекарств... Медсёстры, ухаживающие за больными, уложили её в кровать. И вскоре мой сон продолжился...

Три девочки поднимались к вершине дерева, но она отдалялась от них, и детский крик ранил моё сознание. Женщина молча стояла в саду, сжав плечи руками. Она ждала. Она хотела вновь притронуться нежной ладонью к мужчине, как к голому нерву. Сон сжался в комок и раскрылся, когда мужчина вернулся. Они оба плакали, их миры срослись и превратились в единое целое. Дрожь воздуха исчезла, но туман, появившийся прошлой ночью, давил на мир сна. В моей го-

лове пронеслась мысль: скоро случится то, что способно разрушить всё – и напряжённое счастье двоих, и усилия девочек, которые никак не могут добраться до вершины дерева. Давящий туман пытался проникнуть и в мою память, чтобы я забыла о том, что видела во сне и не смогла написать об этом. Я проснулась, но не забыла. Всматриваясь в мир своего сновидения, я думала, кем же была в нём...

Утром врач спросил:

– Как воспринимаются новые препараты?

– Всю ночь мне снились три девочки, женщина, их мать, и мужчина. Судя по их одежде, это начало двадцатого века. Девочки взбирались на дерево и не могли достичь его вершины. Я просыпалась каждые два часа, и все обрывки сна ощущались неизмеримо долго.

– После того, что было, мы полностью изменили курс вашего лечения и вынуждены в течение нескольких дней давать вам повышенные дозировки. Они могут оказывать такое влияние. Но вам всего восемнадцать лет. Вам должны сниться звёзды и крылья. Какое начало двадцатого века?..

В то время мне снилась череда смутных, тёмных образов, они двигались очень медленно и тяжело. Помню только ветки, которые сжимали воздух, как водоросли. Я поняла, что умираю. Страх не было: я знала, что жизнь не кончится. Я остро впитывала её на земле и пыталась запомнить каждое мгновение. Что будет дальше: новая жизнь или отсутствие перерождения? Казалось, что Богу не важно, знаем мы это

или нет. Я хотела к Нему и ждала воссоединения с Ним. После осознания этого я умерла... и проснулась.

В одном из снов время будто растянулось, выйдя за рамки земных секунд. Я шла по извилистой дороге, распутывая клубки чувств, желаний, страхов, переживая ощущение потерянности. Это казалось отдельно прожитой от меня жизнью. В конце сна, когда путь завершился, возникла ясная мысль: суть всего – красота. Она казалась мне такой простой и такой важной. Наверное, для того чтобы осознать её, впустить в душу, я и плутала всю ночь...

Глава 3

Поэзия

Если писать, потому что тошно в реальности, потому что ты уже сошёл с ума от гула в воздухе и не способен молчать, тогда стихи будут. Можно долго, месяцами, ничего не писать, но однажды поток прорывается, и звуки превращаются в слова. Для людей, пишущих стихи, поэзия – единственный полноценный язык общения с миром. Без стихов они немеют. Когда человек пишет, он находится между мирами, реальным и ирреальным. Творчество засасывает его в свою плотность, а когда вдохновение уходит, он остаётся в реальности, ставшей ему чужой.

Разум продрог,
будто на севере вязы.
Рваный поток
мыслей – больных и бессвязных.
Падает снег,
копны полотен всё выше.
Как человек,
хочет уснуть. Еле дышит
тело. Душа —
не понимаю, жива ли?
Медленный шаг

хлопьев. И глушь, как в подвале.
Разум, отстань.
Не донимай напоследок.
Белая ткань
может сказанье поведать
о тишине
и фараонном покое...
Только вот мне
долго лежать вряд ли стоит.
Нервность и зуд
врежутся в душу и тело.
Встану – пойду
Лазарем в пустоши белой.
Буду идти,
что-то ища под горою.
Все тайники
неосторожно изрою...
Разум продрог,
крепко связала усталость...
Пусть я не Бог,
всё же понять попыталась
роды и смерть,
встречи и тяжесть прощаний...
Падает снег,
дать краткий сон, обещая.

Сначала я чувствую звуки общего шумового потока, звуки пространства. Потом они складываются в слова, и я записываю их, думая, что управляю своими стихами. Но постепенно начинаю понимать, что стихотворная строка подчинила меня, и я боюсь её прервать. Ещё не записанные слова словно мозаика, которую надо собрать. Я пишу одно стихотворение, затем другое, третье... Я заболеваю этими строчками и панически боюсь очнуться. Словно вся красота Вселенной сжимается в одной строке, и вне её уже нет жизни. Понимаю, почему Ван Гог и Врубель так много находились в лечебницах. Они остались на грани миров. Это невозможно объяснить тем, кто ни разу не дышал стихами, красками, звуками. Художники, музыканты, поэты становятся чувствующими «радары». Они пропускают через себя время, оставаясь беззащитными перед его тяжестью.

Я буду лучом,
эфирной тканью
ангелов.
Когда-нибудь буду,
лишь сброшу тяжесть.
А тяжесть растёт
и из печально-маленькой
становится горько-большой.

Крылья вяжет.
Меня, как мазок
прозрачной краски
бабочек,
слепые не видят,
глухие не слышат.
Невольно застыла
в вечной тоске, за рамкой.
Застыла
в детской обиде.

* * *

Лирический герой поэта не равен его личности. Без какой-то ипостаси я неполноценна, но чаще всего люди видят во мне или только меня, или мою лирическую героиню. В первом случае они дают мне спокойствие, помогают выбраться из творческого «запоя», вернуться к реальной жизни. Во втором случае – дарят редкую радость понимания моих стихов, но постепенно я устаю от общения с себе подобными. В обоих случаях одна часть меня остаётся нереализованной. В книгах часто есть герой, понимающий одинокую, сложную героиню. Каждую Маргариту находит её Мастер. В жизни такие герои крайне редки либо вовсе не появляются.

* * *

Когда вдохновение есть, душа выкипает, работает на износ, кровоточит, но живёт. Когда его нет, она стихает и мёртвеет. Вдохновение уходит, когда жизнь высушивается отсчитанными минутами, пустыми разговорами об одном и том же, мелкими печальями и радостями, заботами быта, неубранной посудой, грязными полотенцами, ворчанием окружения. Когда я ловлю себя на том, что заранее знаю, о чём меня спросят, как ответят, из-за чего заплачут, жизнь мнётся как старая перчатка. Моё вдохновение убивают разочарования и рутина, будто я прожила какой-то этап жизни до опустошения, выжала из него все чувства, все откровения, которые он мог дать, и осталось непонимание того, как и куда двигаться дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.